

УДК [069+930.25]=411.16(093)

И. А. Сергеева,
кандидат исторических наук,
Национальная библиотека Украины
имени В. И. Вернадского

**МУЗЕЙ И АРХИВ ЕВРЕЙСКОГО
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА:
К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СОБРАНИЯ**

Проанализирована история создания и деятельности централизованного архива документов по истории евреев Польши и России, роль в этом С. Дубнова, С. Ан-ского и других деятелей еврейской науки и культуры. Обоснована необходимость реконструкции документального собрания Еврейского историко-этнографического общества, ее перспективы.

Ключевые слова: Еврейское историко-этнографическое общество, архив, музей, С. Дубнов, С. Ан-ский, реконструкция.

Идея создания централизованного архива материалов и документов по истории евреев Польши и России принадлежит учредителям Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО), которое было легализовано в Петербурге в ноябре 1908 г. Учредительное собрание нового Общества, на котором председательствовал публицист и этнограф М. И. Кулишер, состоялось 16 ноября 1908 г. в Александровском зале Петербургской синагоги. Учреждение ЕИЭО стало важным событием в деле организации еврейской историографии в России, значение которого невозможно переоценить и сегодня. Одним из основных направлений деятельности Общества стала организация специализированного архива и, немного позднее, музея. Комитет ЕИЭО обратился ко всем заинтересованным и равнодушным к истории и культуре восточно-европейского еврейства лицам с призывом «немедленно принять меры к спасению остатков исторического материала от полного исчезновения». Комитет предложил повсеместно собирать и высылать в его адрес

пинкасим (записные книги еврейских общин) или копии и выписки из них, рукописные материалы, письма исторического характера, сведения из государственных, городских, церковных и частных архивов. Отдельно, как материал для собирания, были выделены записи фольклора и воспоминаний местных старожилов, копии надписей на *мацеввах* (надгробных камнях), памятники декоративно-прикладного искусства и т. д. [1].

В состав Комиссии по организации Архива вошли выдающиеся еврейские историки-архивисты С. Дубнов, С. Гольдштейн, Ю. Гессен. Каждый из членов Комиссии обладал достаточно большим опытом собирательской работы и организации архивного дела, собственными архивами и книжными собраниями. Так, Ю. Гессен, автор исследования «История еврейского народа в России» [2], до момента создания ЕИЭО по собственной инициативе собирал документы по истории евреев в государственных архивах Российской империи и накопил значительный комплекс различных копий и выписок. С. Гольдштейн, профессор Археологического института, в течение многих лет работал в Историко-этнографической комиссии (ИЭК) Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), редактировал издание ОПЕ «Регесты и надписи» и нескольких томов «Русско-еврейского архива». Гольдштейн, как никто другой, прекрасно знал состав и содержание документов и материалов, собранных ИЭК, – соответственно, именно он и возглавил новый архив ЕИЭО.

Председателем Комитета ЕИЭО в 1908 г. был избран, по предложению С. М. Дубнова, М. Винавер. Позднее Семен Маркович Дубнов так писал о тех событиях в своих воспоминаниях: «В комитете мы распределили между собой должности следующим образом: Винавер – председатель (я отклонил это предложенное мне звание, считая Винавера более полезным для внешней организации Общества), я и Кулишер – товарищи председателя, Гессен – секретарь, <...> Гольдштейн – казначей» [3]. Фактически же всей работой Общества все-таки руководил С. Дубнов – известный историк, автор многочисленных работ по истории и культуре евреев в России [4]. Он был одним из основателей и активных участников ИЭК, создателем архива Комиссии и редактором публикаций документов в издании «Русско-еврейский архив». В 1891 г. в русско-еврейском журнале «Восход» С. Дубнов опубликовал программную

статью «Об изучении истории русских евреев и учреждении Исторического общества» [5], позднее напечатанную отдельной брошюрой, и статью «О совокупной работе по собиранию материалов для истории русских евреев» [6]. В этих статьях историк подробно осветил состояние историографии евреев в России и сформулировал основные задачи по собиранию еврейских архивов и памятников старины. Разрабатывая периодизацию еврейской истории Польши и России, Дубнов детально проанализировал основные источники и выделил, как первоочередную задачу, собирание *пинкасим*, кагалных книг, исторических писем и респонсов. Далее он подчеркнул, что не менее важным источником для исследователей являются многочисленные государственные официальные документы и материалы из различных государственных архивов. Только при глубоком анализе и сопоставлении архивных материалов можно будет «уяснить сферу внешних отношений евреев, а именно: правовое и экономическое положение их в государстве» [7]. Как следующую, не менее важную, чем первые две, группу источников С. Дубнов выделил источники фольклорного происхождения: народные сказки, предания, обычаи и прочее. Эти статьи С. Дубнова стали основой для создания специального Историко-этнографического общества, организации его Архива и Музея, а собирательская работа, начатая самим ученым и продолженная его единомышленниками, привела к созданию фундамента исторической школы, «предопределившей дальнейший ход развития еврейской историографии и источниковедения не только в России, но и во многих других странах» [8]. Совершенно естественно, что задачей не только ЕИЭО, но его Архива стало собирание и дальнейшее введение в научный оборот обозначенных Дубновым как наиболее важные источников по истории и культуре евреев в Российской империи и Польше.

С января 1909 г. ЕИЭО приступило к изданию специализированного журнала «Еврейская старина», в котором в течение многих лет публиковались списки поступавших в Архив документов. Собрание пополнялось рукописями, историческими письмами, документами и их копиями, оригиналами *пинкасим* и выписками из них, выписками из государственных документов, находящихся в архивах Российской империи (позднее – СССР), фольклорными записями, газетными вырезками, фотодокументами и множеством других материалов, присылаемых членами ЕИЭО и добровольными помощниками из разных мест. От частных лиц

в Архив поступали документы и материалы из личных собраний, а также документы о деятельности общественных еврейских учреждений.

Семен Ан-ский включился в работу по собиранию документов и материалов для архива, взяв на себя фольклорные источники. Для него к этому периоду, а именно к 1909 г., такая деятельность была хорошо знакома: еще в 1880–1890-е годы Ан-ский собирал народный фольклор в Екатеринославской губернии, позднее – во Франции под руководством П. Лаврова изучил немецкую методику этнографических обследований населения и обработки собранного фольклорного материала. Впервые в качестве еврейского этнографа и фольклориста он выступил с большой статьей «Еврейское народное творчество», опубликованной в первом томе альманаха «Пережитое» [9].

Среди значительных коллекций Архива ЕИЭО необходимо отметить эпистолярный А. Я. Гаркави, поступивший туда в 1915 г. и систематизированный в 401 группу писем [10] («Почетный член нашего Общества, д-р А. Я. Гаркави передал в наш архив обширную коллекцию своей научно-литературной переписки, а также поднесенных ему адресов и дипломов» [11]), коллекцию из 17 документов скульптора И. Я. Гинцбурга, фонд «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» (315 единиц), фонд «Комиссии для оказания юридической помощи еврейскому населению» (112 ед.) [12], фонд члена Государственной Думы Л. Нисселовича (60 групп документов), фонд Э. Б. Левина – одного из старейших сотрудников ОПЕ, ИЭК и ЕИЭО (73 группы документов) [13], личный архив С. Анского (более 4500 документов) [14].

Вопрос организации Архива и Музея как полноценных, самостоятельно функционирующих структур решился в 1913 г., когда ЕИЭО было передано специальное помещение в Еврейской богадельне на Васильевском острове, 5 линия, дом 50.

Правда, С. Дубнов в воспоминаниях указывает на 1912 г. как на время формирования архивной и музейной структур в составе Общества: «Не оставалось без внимания и собирание материалов для архива и музея общества, которые с 1912 года нашли приют в «железной комнате» и музейном зале упомянутого здания на Васильевском острове. Об архиве особенно заботились С. М. Гольдштейн и И. С. Лурье, а о музее – С. А. Ан-ский, который в последние годы перед войной всецело отдался этнографической работе...» [15].

В 1912–1914 гг. Архив и Музей значительно пополнились документами, материалами и памятниками материальной культуры, собранными во время этнографических экспедиций имени Горация Гинцбурга. В опубликованном в «Еврейской старине» (1915) отчете о работе экспедиций за три года С. Ан-ский писал: «Собран за это время следующий материал: 1) сделано более 2000 фотографических снимков старинных синагог и их внутренних украшений, еврейских исторических зданий, памятников, типов, бытовых сцен и т. д.; 2) записано около 1800 народных сказаний, легенд, преданий, притч; 3) записано более 1500 народных песен и мистерий; 4) записано на 500 валиках и на нотах более 1000 народных мотивов и «песен без слов»; 5) записано большое количество чисто этнографического материала: описания обрядов, поверий, примет, заговоров, пословиц, поговорок и т. п.; 6) собрано более 100 исторических документов, много писем известных лиц; 7) собрано около 50 старинных рукописей и пинкасов, среди которых несколько очень редких и ценных; 8) приобретено (приблизительно на 6000 руб.) и получено в дар для Национального музея более 700 предметов, почти исключительно старинных (серебряные, медные, деревянные и проч.) из области религиозного культа (около 80 «годасов», столько же ханукальных ламп, «поройхес», украшений для Торы и т. д., домашнего обихода, женских украшений, старинной одежды, гравюр, картин и т. д. ...» [16].

Однако не все собранные экспедицией и приведенные Ан-ским в отчете материалы поступили в Архив и Музей ЕИЭО. Часть материалов оставалась в Киеве, в специально выделенной бароном В. Гинцбургом для этого комнате. Некоторые документы остались в Проскурове, где, по воспоминаниям участника экспедиции А. Рехтмана, были уничтожены во время погрома 1918 г. Оставленные в Киеве экспедиционные материалы, во всяком случае, большая их часть, были в 1914–1915 гг. перевезены в Петроград и предоставлены номинальным владельцем коллекции бароном В. Гинцбургом в полное распоряжение Ан-ского, о чем свидетельствуют документы переписки [17] и отчета ЕИЭО за 1915 г. [18].

О структуре Архива Общества можно судить по сохранившемуся идентификатору его разделов, составленному С. Гольдштейном [19] и устанавливающему порядок разделов в Архиве: «1. Протоколы; 2. Письма из провинции; 3. Канцелярская переписка; 4. Переписка с Киевом; 5. «Еврейская старина», заказы; 6. Редакция; 7. Историческая хрес-

томатия; 8. Разные бумаги и заметки; 9. Печатные формуляры; 10. Переписка с Москвой; 11. Регесты и архив; 12. Сообщения и материалы; 13. Адреса городских членов; 14. Адреса иногородних членов; 15. Секция для изучения еврейского права; 16. Переписка с городом Иркутском; 17. Переписка с городом Харьковом; 18. Папка для исправленных адресов; 19. Отдел этнографии». Как видим, Архив включал не только собранные Обществом исторические документы, но и делопроизводство ЕИЭО, редакционный портфель «Еврейской старины» и подготовительные материалы для издания хрестоматии по еврейской истории.

Наиболее ценные исторические материалы, собираемые Обществом на протяжении многих лет, содержались в «Отделе этнографии» и разделе «Регесты и архив», куда вошли и материалы, собранные ИЭК ОПЕ для издания «Регестов и надписей» и Еврейской энциклопедии (1907–1912).

С началом Первой мировой войны основной заботой ЕИЭО стало спасение художественных, религиозных и исторических памятников еврейских общин, оказавшихся в зоне боевых действий. С этой целью Комитет Общества уполномочил членов Этнографического отдела Б. Рубштейна и С. Ан-ского организовать эвакуацию национальных памятников и реликвий соответственно из Витебского (Северо-Западный фронт) и Киевского (Юго-Западный) регионов. В этом деле Общество получило поддержку со стороны хозяйственного правления Петербургской хоральной синагоги и Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО). Большая часть памятников, вывезенных из зоны войны уполномоченными, была доставлена в Петроград, где хранилась в помещении Хоральной синагоги на ул. Офицерской (251 предмет синагогальной утвари, 25 пинкасим, рукописи и прочие документы, 4 нераспакованных ящика). Часть эвакуированных памятников задержалась в Минске и Витебске.

К концу 1915 г. в Архиве ЕИЭО находилось, за исключением поступлений текущего года, 440 дел (количество документов не указано), описанных и систематизированных сотрудниками Архива С. Гольдштейном и И. Лурье [20] в течение 1914–1915 гг. Среди этих документов обработаны материалы бывшей Историко-этнографической комиссии ОПЕ (37 дел) и архив Союза равноправия евреев в России (286 дел) [21]. В это же время Общество приступило к работе по сбору документов и материалов, «имеющих отношение к нынешней войне», и обратилось с воззванием к своим сотрудникам на местах [22].

Документы и материалы, собранные Обществом в целом в 1900–1916 гг., в большинстве своем представляли как архивные, так и музейные ценности. В ноябре 1915 г. Комитетом ЕИЭО было принято решение о соединении архивной и музейной комиссий в особую Этнографическую секцию, в ведение которой поступал «как весь имеющийся в архиве общества этнографический материал, так и переданная Обществу коллекция этнографической экспедиции имени барона Г. О. Гинцбурга» [23]. В состав секции вошли С. Ан-ский, Л. Штернберг, М. Марголин, С. Л. Цинберг, Н. Штиф, З. Калманович, М. Сыркин, С. Зильберфарб и С. Гольдштейн [24]. Этнографическая секция поставила вопрос об открытии Еврейского музея ЕИЭО, однако, в силу ряда обстоятельств, решение принято не было, хотя формально Музей уже работал.

Тогда же, отчитываясь за три года работы экспедиции, С. Ан-ский в статье «Письмо в редакцию (о работах этнографической экспедиции)», опубликованной в конце 1915 г. в «Еврейской старине», писал, что, кроме значительного по своему объему количества памятников материальной культуры и фольклорных записей, экспедиция собрала несколько сот старинных документов, имеющих историческое значение, коллекцию писем выдающихся деятелей еврейской истории и культуры, мемуары, рукописи и копии с рукописных книг. Сделано было около 1500 фотографий сакральных памятников, надгробий, уличных сценок и т. д. [25]. Практически все эти материалы поступили в Музей и Архив ЕИЭО.

Во второй половине 1915 г. был решен вопрос о праве собственности на документы и материалы, собранные экспедицией под руководством С. Ан-ского [26]. Коллекция была официально передана ЕИЭО фактическим ее владельцем бароном В. Г. Гинцбургом (именно он предоставил основной капитал для проведения экспедиционных работ). В составе переданных в Этнографическую секцию материалов, в частности, были: «Исторические материалы, как-то: письма, документы и проч., <...> Вся этнографическая библиотека и редкие книги, собранные и приобретенные экспедицией. <...> вся музейная коллекция экспедиции и все этнографические материалы ее, как-то валики с музыкальными записями, записи сказок, легенд и песен, все фотографии...». При этом оговаривалось, что дневник экспедиции, «составленный С. А. Раппопортом», и все фотоснимки, являющиеся иллюстрациями к нему, считаются собственностью С. Ан-ского [27].

В 1916 г. Комиссия ЕИЭО провела предварительный учет документов и материалов, собранных экспедицией Ан-ского и находящихся в Этнографической секции Общества. По данным Комиссии, на учете в ЕИЭО состояло «около 5–7 тысяч художественных работ и около 25 тысяч других материалов» [28].

В 1917 – начале 1918 г. ЕИЭО оказалось в критическом финансовом положении, которое усугубилось противостоянием новой власти в лице Комиссариата по еврейским делам. «Революционный 1917 год прервал деятельность нашего Комитета, – писал в 1929 г. С. Дубнов. – Последовавшая затем Гражданская война, отрезавшая петербургский центр от Украины и вызвавшая бегство некоторых его членов из голодающей столицы, делала коллективную работу невозможной» [29]. 9 апреля 1918 г. Комиссариат дал распоряжение опечатать помещение Архива и Музея Общества (в том числе была опечатана и комната, в которой жил в те годы С. Ан-ский, на момент происходивших событий находившийся в отъезде). Официальным оправданием для этой акции были превентивные меры, предпринятые на случай разбойных нападений, краж и грабежей. На самом деле новые «еврейские пролетарские» деятели всеми силами стремились подавить старую, по их мнению, – буржуазную, школу и получить в свое полное распоряжение уникальные собрания документов и материалов. «Вчера сижу в заседании Национального совета, вбегает Лурье (мой секретарь по «Еврейской старине») и сообщает, что явились юнцы из большевистского Комиссариата по еврейским делам и опечатали двери помещения нашего архива-музея (Историко-этнографического общества) на Васильевском острове; – писал в своем дневнике С. Дубнов, – обещали прийти завтра, чтобы взять архив в свое ведение. Сегодня получил официальное сообщение (запись датирована 10 апреля 1918 г. – *И. С.*) от отдела «культуры» в комиссариате: ввиду слухов о «расхищении вещей в музее и архиве», они произведут ревизию. Двое членов этого отдела комиссариата мне известны: книжный клептоман, бестолковый Берлин <...> и некий Бухбиндер <...>. Эти субъекты, очутившиеся в ведомстве Луначарского, теперь занялись реквизицией музеев и архивов. Я написал в Академию наук и просил протестовать против экспроприации научного общества» [30]. В течение нескольких дней комнаты Архива и Музея были опечатаны, в них работала комиссия Комиссариата по еврейским делам. Но никаких нарушений, тем более –

расхищений коллекций не было выявлено. 15 апреля 1918 г. Дубнов записал в дневнике: «Хлопоты по делу архива, объяснения с помощником комиссара просвещения, неким молодым человеком Гринбергом, который после моего протеста обещал снять печати с архива и музея. <...> Пока, однако, архив еще не распечатан. Приехал Ан-ский, и я на него возложу все дело, которое ему и по плечу» [31].

С. Ан-ский обратился за помощью непосредственно к члену Академии наук Л. Штернбергу и, вероятно, к наркому просвещения А. В. Луначарскому, с которым был шапочно знаком по бернской эмиграции. К решению проблемы подключился также А. Перельман, имевший достаточно обширный круг знакомых в Петроградском Совете.

Усилиями Л. Штернберга и А. Перельмана, не без активного вмешательства С. Дубнова, ситуацию удалось спасти: Архив и Музей, как и все Общество в целом, при отсутствии финансирования и в условиях эмиграции основных своих членов и учредителей, репрессий со стороны новой власти продолжили работу.

Собственно, объяснением этой первой попытки ликвидировать Архив и Музей может быть распоряжение (апрель 1918 г.) новых революционных властей в лице Комиссариата по еврейским национальным делам об учреждении Центрального еврейского архива, в котором должно было «сосредоточить все дела, документы, акты и материалы, касающиеся евреев, находящиеся в настоящее время в упраздненных и ликвидируемых ныне государственных и общественных заведениях» [32]. В декрете об учреждении Центрального еврейского архива, подписанном народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским (напомним, не без помощи которого ситуация с закрытием Архива и Музея благополучно для последних решилась на то время) и комиссаром отдела культуры и просвещения Комиссариата по еврейским делам Н. А. Бухбиндером (как записал в дневнике С. Дубнов – «некий Бухбиндер»), в частности, указывалось, что «музеи, библиотеки, архивы и собрания рукописей, где бы они не находились, принимаются, как национальная собственность еврейского народа, под охрану власти рабоче-крестьянского правительства в лице Комиссариата по еврейским национальным делам» [33].

Осенью 1918 г. С. Ан-ский, будучи не только писателем и этнографом, но и активным членом партии социал-революционеров и, понимая, что

ситуация критическая, а репрессии советских властей против политических оппонентов только усилятся, вынужден был покинуть Петроград. Еще в мае того же года, сразу после описанного выше апрельского инцидента, он передал во временное хранение (на один год) часть материалов из собрания Еврейского музея в Этнографический отдел Русского музея имени Александра III. Были составлены «Предварительная расписка» и «Суммарная опись», где фиксировался договор о передаче материалов и их краткое описание [34]. Как видно из этой описи, в музей на хранение были отданы только предметы художественной старины. Архивные документы и фотографии в мае 1918 г. музею не передавались [35].

В конце 1918 г. С. Ан-ский, уезжая в Вильно, смог взять с собой некоторое количество документов из своего архива. Ф. Шаргородская и Р. Эттингер упоминают только документы, которые были необходимы Ан-скому для работы над книгой «Разрушение Галиции». Но, судя по письму М. Брамсона к доктору Т. О. Шабаду, директору Виленского еврейского музея, от 1 июня 1925 г., Ан-ский смог вывезти в эмиграцию и материалы по еврейскому фольклору. «Глубокоуважаемый Тимофей Осипович, – пишет А. М. Брамсон. – Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой от имени музейной комиссии сообщить мне, появились ли в печати письма Ан-ского. В архиве в Музее имеется ряд копий, из которых одним из молодых ученых сделан выбор материалов по фольклору. Он затрудняется поместить эту работу в печати, так как не знает судьбы оригиналов. Я буду Вам очень обязан, если Вы найдете возможным осведомить меня, что появилось по этому поводу в печати. <...> Др. А. М. Брамсон» [36].

В 1919–1922 гг. ЕИЭО практически не работало: в этот период фактической смены руководства Общества и основных его сотрудников только предпринимались попытки восстановить работу Музея [37], установить связи с еврейскими научными обществами за границей (в том числе с Историко-этнографическим обществом имени С. Ан-ского в Вильно и Каунасе, Еврейским институтом в Берлине). В попытках спасти еврейскую научную историческую школу еврейские ученые Петрограда, в частности С. Дубнов, С. Лозинский, Г. Красный-Адмони и С. Платонов, выступили с инициативой об организации научного института – Института истории и культуры еврейства, который должен был, по замыслу инициаторов, объединить все имеющиеся научные еврейские институции.

В этот Институт должны были войти, на правах самостоятельной административной структуры, и все имевшиеся на 1920 г. еврейские архивы. Но ни в 1920 г., ни позже в Петрограде–Ленинграде этот проект не получил поддержки.

В августе 1921 г., после годовичного перерыва, состоялось заседание Комитета ЕИЭО, на котором Председателем был избран Л. Штернберг. Он же возглавил редакцию «Еврейской старины»: «5 августа. Вернулся из заседания комитета Историко-этнографического общества, с похорон, которым старались придать вид воскресения. Уже год или больше не заседали, а сегодня старые и новые члены – остатки бывшего общественного круга – собрались в канцелярии комитета на 5-й линии Вас[ильевского] острова, чтобы принять у меня перед отъездом дела... Решили созвать через неделю «общее собрание» для выбора нового комитета, а затем поддерживать существование комитета чтением научных докладов со взиманием платы. Я передал свои обязанности председателя Л. Я. Штернбергу и вернул комитету редакционный портфель «Старины». Решили несколько вопросов о нашем архиве и музее, о наследии Ан-ского и пр[очем]...» [38].

Только летом 1923 г. ЕИЭО под председательством известного ученого-этнографа, члена-корреспондента Российской академии наук Л. Я. Штернберга возобновило регулярную деятельность. Штернберг был одним из старейших участников Этнографического общества, работал в Этнографической комиссии с 1912 г. «Не могу забыть нашего «этнографа» Льва Штернберга с его горячим еврейским сердцем, – писал о нем Исая Трунк в статье «Историки русского еврейства». – Студентом он примкнул к «Народной воле» и был сослан на Сахалин. Подобно другим каторжникам и ссыльным он изучал там языки туземцев и, став специалистом по этой части, получил разрешение вернуться в Петербург и затем работал в Академии Наук. У нас в Обществе он занимался проблемами еврейской этнографии. Впоследствии, после отъезда С. Дубнова из Петербурга, Штернберг стал председателем Историко-Этнографического общества» [39]. В архиве Российской академии наук (РАН) в Петербурге сохранились документы официальной переписки Л. Штернберга с научными, общественными и партийными организациями по поводу возобновления работы Общества и его деятельности в дальнейшем [40]. В это же время вновь открылся Музей еврейской культуры и Архив Общества.

ЕИЭО и его правление активно предпринимали действия по возвращению документов и музейных материалов, переданных С. Ан-ским в 1918 г. Этнографическому отделу Русского музея на временное хранение. При этом Общество обосновывало в официальных документах свои требования тем, что Музей ЕИЭО «ставит своей задачей образовать по возможности исчерпывающее собрание по истории и этнографии еврейского народа из всех стран их пребывания, а не одной только России, и, благодаря широкому сочувствию еврейского населения Западной Европы, Америки и Азии, равно как научных работников в этой области разных стран, Музей имеет полную возможность образовать в России, где сосредоточено большинство еврейского народа, единственный мировой музей еврейской истории и этнографии. Подобной задачи ни один из государственных музеев не преследует, да и не имеет возможности к этому, ибо для таковой задачи требуются огромные средства, между тем в Музей ИЭО большинство объектов поступает безвозмездно, а все необходимые средства на его содержание и покупки вполне обеспечиваются частными пожертвованиями, которые все будут возрастать по мере роста Музея; <...> Хотя музей ИЭО содержится на частные средства, но, будучи учреждением публичным, открытым для обозрения и научных работ как по коллекциям, так по богатому архиву и специальной библиотеке, подчиняясь, как и все публичные учреждения республики, государственному надзору и контролю и наравне с ними служа целям науки и народного образования, он является таким же государственным музеем, как и все остальные, с тем только отличием, что он не обременяет государство расходами» [41]. В качестве еще одного аргумента в пользу возвращения коллекции Ан-ского ЕИЭО выдвигался тезис, что в Музей были переданы только предметы материальной культуры. Весь же справочный и научный аппарат к коллекции, собранный и разработанный самим Ан-ским и сотрудниками Этнографической секции, остался в Обществе.

К этому времени архивное собрание Общества пополнилось фондом библиографической комиссии, составившей указатель литературы о евреях на русском языке (около 10 тыс. наименований), фондом комиссии по сбору материалов об участии евреев в революционном движении; фондом литературного общества им. И.-Л. Переца и личным фондом Семена Ан-ского (Раппопорта). В отчете архивной комиссии Общества (С. Гольдштейн, Ф. Шаргородская, И. Равребе) за 1923 г. приведены

наиболее ценные документы и материалы, поступившие в Архив: «43 пинкаса (оригиналы), 70 пинкасов (копий и переводов), 200 рукописей (раввинской, каббалистической и советской литературы), 160 старопечатных книг (преимущественно XVII и XVIII вв.)» [42]. К этому времени, вероятно, была закончена работа по формированию и предварительному описанию фондов Архива ЕИЭО: Ф. Шаргородская подготовила к публикации описание фонда С. Ан-ского [43], в 1924 г. С. Гольдштейн – издание 4 тома «Русско-еврейского архива» (материалы по истории литовских евреев, собранные С. А. Бершадским). Н. Шварц на основе документов Архива несколько позднее, в 1930 г., опубликовал большое исследование «Материалы к истории еврейской печати» [44], И. Равребе – статью «Мстиславское буйство в еврейском народном творчестве» [45]. Кстати, следует отметить, что последний был участником этнографической экспедиции под руководством С. Ан-ского и членом группы, которая работала над составлением «Этнографической программы по обследованию еврейского населения». При подготовке статьи он, безусловно, пользовался материалами, собранными и записанными экспедицией, и материалами, в 1900-е годы собранными и обработанными Ан-ским [46].

Судя по сохранившимся документам о деятельности Историко-этнографического общества, в середине 20-х годов XX века, во всяком случае, не позднее мая 1924 г., Музей, Архив и библиотека были объединены в одно структурное подразделение, получившее название «Еврейский историко-этнографический музей» и отвечавшее новым задачам «социалистического культурного строительства». Архив С. Ан-ского вошел в состав собрания отдела фонда иудаики Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (ОФИ ИР НБУВ). Он находился среди материалов, поступивших из Ленинграда (в аннотациях обозначены, как «бывший фонд Еврейского историко-этнографического общества»), где, в частности, имеется документ, озаглавленный «Руководящие принципы и инструкции для планомерной группировки материалов музея Еврейского историко-этнографического общества (с приложением каталога музея, иллюстрациями, с каталогом архива и библиотеки)». Документ представляет собой машинопись с рукописными правками, сделанными сотрудницей Музея Ф. Шаргородской. Анализ текста позволяет утверждать, что это черновые наброски к докладу, который структурирован, как концепция организа-

ции музея и его тематико-экспозиционный план. Во вводной части (концепции), в частности, Шаргородская указывает: «2. Музей, преследуя культурно-воспитательные цели, должен стать показательно-иллюстративным учреждением народного просвещения – быть экскурсионным центром для школьных, внешкольных и массовых экскурсий. 3. Наряду с этим Музей должен быть также **исследовательским институтом для научной разработки проблем еврейства** (выделено автором. – *И. С.*), которые, в противном случае, могут стать чуждыми и непонятными для будущих поколений» [47].

Во второй части Шаргородская пишет: «II. Еврейский Историко-этнографический музей Ленинграда (пока единственный не только в России, но, насколько мне известно, и во всем мире) состоит из двух отделов: 1. Антропологический отдел. 2. Собственно Историко-этнографический отдел, который распадается на два подотдела: 1) Этнографический подотдел и 2) Исторический подотдел. 3. Отдел истории еврейского искусства, который тоже распадается на два подотдела: 1) Подотдел еврейской музыки. 2) Подотдел еврейского изобразительного искусства. 4. Архив. 5. Библиотека» [48]. Следовательно, и Архив и библиотека из отдельных подразделений ЕИЭО (смотри структуру Общества до 1918 г.) были преобразованы в отделы Музея. Видимо, в это же время архив С. Анского был присоединен к материалам Музея. Во всяком случае, в тексте Шаргородской при описании «исторического подотдела» экспозиции во многих местах находим примечание, что «для этого исторического угла имеется очень много материалов в архиве Анского» [49] (речь идет о «деле Бейлиса»; кстати, сразу отметим, что документов, связанных с Бейлисом, в сохранившихся разрозненных собраниях Анского до сих пор не выявлено). На той же странице есть указания, что интересующий нас архив дополняет материалы для экспозиций, связанных с эмиграционным движением, обвинениями евреев в шпионаже во время Первой мировой войны, участием евреев в революционном движении 1905 и 1917 гг.: «Для всего этого Исторического подотдела имеется в Архиве Анского богатейший материал» [50].

К Отделу истории еврейского искусства Шаргородская относит, среди прочего, еврейский музыкальный фольклор, указывая, в частности, что он состоит «...из фонографических записей и литературного материала и разделяется на 6 комплексов», среди которых есть «свадебный комплекс

с его классическими представителями – клезмерами, Педуцер и др. и народные песни (в художественной обработке З. Кисельгофа и др.)» [51].

В мае 1924 г. Ф. Шаргородская уехала из Ленинграда, и дальнейшая забота об архиве Ан-ского (всем архивом в это время заведовал И. Равребе) была возложена на С. Юдовина. В сохранившемся протоколе заседания Музейной комиссии ЕИЭО от 29 мая 1924 г. находим: «Об архиве Ан-ского. За отъездом Ф. Д. Шаргородской архив передается для дальнейшей разработки С. Б. Юдовину» и далее там же: «Сообщение И. И. Равребе об отъезде на 1 месяц. Заведование архивом на месяц за отъездом Равребе передать Юдовину» [52].

Более чем вероятно, что в 1925–1926 гг., в связи с реорганизацией структуры Общества и представленной Шаргородской концепцией Музея, Архив ЕИЭО с хранившимся в нем архивом С. Ан-ского был разделен на части в соответствии с экспозиционными отделами, что в дальнейшем привело к его дроблению и рассредоточению.

К 1926 г. музейное и архивное собрание ЕИЭО в Ленинграде было одной из наиболее крупных коллекций такого рода в мире и, безусловно, самой большой и полной на территории СССР и могло служить прекрасной источниковедческой базой по истории и культуре восточноевропейского еврейства. Ленинградские ученые считали, что на основе ЕИЭО, его Архива и Музея необходимо создать специализированный Еврейский исследовательский институт, который объединил бы не только ЕИЭО, но и Еврейский университет и архивные комиссии других организаций.

Однако этим планам не суждено было воплотиться в жизнь: в 1927 г. скончался председатель Общества и его реальный защитник Л. Я. Штернберг, чей высокий официальный статус и мировая известность в научных кругах служили своего рода «охранной грамотой» ЕИЭО. С 1928 г. советские власти предпринимали неоднократные попытки запретить деятельность Общества и расформировать его Архив и Музей. Призывая к ликвидации Общества, даже его враги признавали ценность собранных в архивно-музейной коллекции материалов: «Они укрепились на вершинах «еврейской науки» и, располагая богатейшей эрудицией и ценнейшими архивами, продолжают традиции старой С.-Петербургской общественности, колом ей земля», – писал накануне принятия решения о ликвидации научной институции С. Непомнящий, один из «активистов еврейского культурного строительства» [53].

Оставшиеся к середине 1928 г. в Ленинграде участники Общества в попытке сохранить ЕИЭО, его Архив и Музей обратились к С. Дубнову (в 1921 г. эмигрировал из СССР) с просьбой написать большую статью об Обществе в готовившийся юбилейный, к 20-летию, номер «Еврейской старины». Подобная публикация, по их замыслу, должна была поддержать усилия группы представителей старой (а точнее – дореволюционной) еврейской научной школы по сохранению ведущего отчаянную борьбу за существование Еврейского историко-этнографического общества. С. Дубнов подготовил и прислал в редакцию воспоминания об истории создания и работе Общества до 1918 г. [54]. Но ни он, ни его ленинградские коллеги и друзья не знали, что ЕИЭО уже обречено.

Постановлением Административного отдела Ленинградского областного исполнительного комитета от 6 декабря 1929 г. было ликвидировано ЕИЭО и закрыт его Музей. «Адм.отдел Леноблисполкома рассмотрел материал, предоставленный Комиссией, обследовавшей 17.10.1929 г. Ленинградское еврейское историко-этнографическое общество, и, приняв во внимание: а) что указанное общество ведет идеологически чуждую советской общественности и еврейской трудящейся массе деятельность, что подтверждается докладами на общих собраниях общества и изданием (содержание сборника «Еврейская старина»), связью с белоэмигрантом Дубновым и т. п., что Музей, несмотря на наличие в нем весьма ценных с научной точки зрения экспонатов, которые могли бы быть использованы для антирелигиозной пропаганды, до сих пор по своей постановке приспособлен для пропаганды шовинистическо-религиозной идеологии; б) учитывая, что общество в настоящем своем составе и по своей структуре не способно поставить сколько-нибудь полезную для советской общественности работу, постановили Еврейское историко-этнографическое общество закрыть» [55].

28 февраля 1930 г. на церемонии учреждения «Общества по изучению экономики и истории еврейского пролетариата» были официально ликвидированы «отражавшие настроения крупной еврейской буржуазии» Общество для распространения просвещения между евреями в России и Еврейское историко-этнографическое общество. Коммунистическая газета «Трибуна еврейской советской общественности» в отчете об этом собрании писала: «Товарищ Литваков в своем выступлении остановился на анализе и роли историко-этнографического общества, указывая, что

оно носило, главным образом, буржуазно-националистический характер. Основателем этого общества был эсер и националист Ан-ский, который и собрал его музей». (Сразу заметим, что Ан-ский был только одним из основателей и идеологов ЕИЭО: в состав правления Общества он вошел лишь в 1910 г., до того являясь только рядовым членом и участником Этнографической комиссии). Далее в газете читаем: «Какой материал они собирали и что их интересовало? Они были далеки от того, чтобы собирать материалы, иллюстрирующие жизнь и борьбу рабочего класса. Не о муках и радостях трудящихся рассказывает этот музей. В нем вы найдете длинные сказания о религиозно-бытовом укладе жизни еврейского мещанства и еврейской буржуазии. Собирали всякую заваль, вплоть до изношенной ермолки и другого барахла... Только сейчас, при обострении в стране классовой борьбы, надо урвать немного времени и похоронить это наследие прошлого, напоминающее о буржуазно-реакционном характере «просветительской деятельности» этих обществ» [56].

Так окончилось двадцатилетнее существование ЕИЭО, без которого практически невозможно сейчас представить еврейскую историю и историографию не только на постсоветском пространстве, но и во всем мире.

Архив Общества решением ленинградских советских «руководителей науки» был в достаточной степени бессистемно разделен и отправлен в Киев, Москву, Минск. Музейные материалы, в том числе и экспедиционные архивы, частью были отправлены в Киев и Одессу, частью – в Минск и Витебск.

В 1920–1930-е годы Украина оказалась едва ли не основным средоточием архивных источников по истории евреев в СССР. Это стало возможным как в силу объективных обстоятельств (в результате разделов Польши 1793–1795 гг. Российская империя унаследовала многочисленное еврейское население Подолии, Волыни, части Киевщины и Правобережного Полесья), так и потому, что в 1918 – первой половине 1930-х годов в Украине прилагались целенаправленные усилия для собирания и систематизации еврейских архивов, в том числе путем перемещения отдельных фондов и коллекций из архивных хранилищ и музеев соседних республик.

В 1918 г. во Всенародной (Национальной) библиотеке Украины (ВБУ) был создан специальный отдел «Ориенталия» с подотделом «Гebraика-Иудаика», в задачи которого входило собирание и описание книг и архивных материалов по еврейской истории и культуре. Об этой академической структуре – речь впереди.

В 1919–1929 гг. при Всеукраинской академии наук (ВУАН) функционировала Еврейская историко-археологическая комиссия (ЕИАК), руководителем которой был И. В. Галант [57]. В 1926 г. при ВУАН была учреждена Кафедра еврейской культуры, преобразованная в 1929 г. в Институт еврейской культуры (с 1933 г. – Институт еврейской пролетарской культуры). Кроме этих научных организаций, в ряде городов предпринимались попытки организации специальных еврейских музеев, результатом которых стал одесский Музей имени Менделе-Мойхера-Сфорима, организованный в 1927 г. [58]. В декабре 1928 г. начала работать еврейская секция при Киевском центральном историческом архиве [59]. Все перечисленные организации, кроме ЕИАК, в свое время приняли активное участие в разделе богатейшего архива ЕИЭО и получили разные части документальных коллекций.

Именно наличие в УССР ряда академических еврейских структур, а также инициатива руководителей этих институций определили то, что большая часть архива ЕИЭО и его музейная коллекция были переданы в Киев.

Главным инициатором создания в Киеве Кафедры еврейской культуры, позднее – института – были Н. И. Штиф и И. И. Либерберг. Нохум Штиф, достаточно известный филолог-идишист, автор работ по лингвистике и литературоведению [60], в течение ряда лет был членом ЕИЭО, прекрасно знал документальное собрание Общества. Он же являлся фактически организатором ликвидации ЕИАК в 1929 г. И. Либерберг, преемник Н. И. Штифа на посту руководителя Кафедры еврейской культуры, в отличие от последнего не только не был ученым, но и не имел даже высшего образования (что, впрочем, не помешало ему стать в 30-е годы профессором и членом-корреспондентом Академии наук УССР). Либерберг был весьма амбициозным человеком, энергичным и способным администратором, прекрасно ориентировался во властных коридорах, умело и успешно добывал финансирование для работы возглавляемой им структуры. Его усилиями в начале 1930-х годов Киев превратился в крупнейший в СССР центр изучения языка и культуры идиш [61].

И. Либерберг добился преобразования Кафедры еврейской культуры в академический институт, создания при этом институте специализированной академической библиотеки (для которой сумел получить из Ленинграда огромное библиотечное собрание ОПЕ), архива еврейской прессы, крупнейшего в мире по объему и полноте собрания

и библиографического центра. Здесь уместно будет заметить, что в Институте отдельным структурным подразделением функционировал Отдел музыкального фольклора, который позднее, после ликвидации ИЕК, остался самостоятельно работавшим Кабинетом еврейской культуры (подробнее об этом Кабинете скажем отдельно, исходя из того, что эта структура стала одним из наследников Архива и Музея ЕИЭК).

8 июня 1928 г. Либберберг от имени Кафедры еврейской культуры («как высшей и единственной еврейской научной институции Украины») обратился в Центральное архивное управление (ЦАУ) УССР с предложением о создании специализированного еврейского отдела в Киевском историческом архиве. Он просил, «во-первых, обратить внимание всех провинциальных архивов на потребность регистрировать и собирать еврейские архивные фонды и, во-вторых, создать еврейские секции в архивах Харькова и Киева», куда «могли бы войти все специальные еврейские фонды, которые уже находятся в архиве, а также картотека тех материалов, которые находятся в общих отделах архива, но имеют определенное значение для изучения еврейской истории» [62].

Идея Либберберга, впрочем, была не нова. Напомним, что еще в 1918 г. А. Луначарским и Н. Бухбиндером был подписан декрет об образовании в Петрограде под эгидой Евкомнаца Центрального еврейского архива. В те годы этот проект так и не был реализован, видимо потому, что ему воспротивились как еврейские ученые, так и профессиональные архивисты. Несколькими годами позже, в 1923 г., в Украине появился аналогичный проект: в ВУАН поступила докладная записка заведующего Подольским губернским архивным управлением Ю. С. Александровича о безотлагательной необходимости организовать работу по сбору материалов и документов по еврейской истории. Для этого автор записки предлагал «стать на путь создания на Украине архивных учреждений (или отделов при существующих архивных учреждениях), предназначенных для специального изучения истории евреев» [63]. Но и эта инициатива осталась нереализованной, очевидно потому, что была не ко времени. Хотя надо заметить, что в первой половине 1920-х годов в Виннице достаточно активно работал филиал ВБУ, а Ю. Александрович был одним из известных в те годы краеведов, автором ряда научных работ по истории Подолии.

В 1928 г. почва для принятия позитивного решения в пользу начинания И. Либберберга была им же и подготовлена. 28 апреля на заседании науч-

ной секции 2-го Всесоюзного съезда еврейских культработников, а затем на 1-м пленуме Центрального бюро еврейских научных учреждений обсуждалось создание в государственных архивах Украины, Беларуси и РСФСР специализированных еврейских отделов. Уже в декабре того же года начала функционировать еврейская секция при Киевском центральном историческом архиве (КЦИА), а несколько позднее это начинание было поддержано на уровне государственных властей: постановлением ВУЦИК от 28 июля 1929 г., принятым к исполнению ЦАУ, были созданы не только еврейская, но и польская (при КЦИА) и немецкая (при Одесском краевом архиве) секции. Кроме того, было сочтено целесообразным ввести институт уполномоченных корреспондентов в соответствующих национальных районах для сбора и регистрации архивных материалов и документов на местах [64].

Руководителем Еврейской секции КЦИА был назначен лояльный как властям, так и Либербергу И. М. Хинчин, который, не будучи профессиональным архивистом, обладал незаурядными административными способностями и весьма разнообразным опытом руководящей работы в различных партийных и советских органах.

И. Хинчин с большим энтузиазмом взялся за работу, при этом идеологическая составляющая для него была, пожалуй, даже более важной, чем архивная практика. Отрицая непреложный для архивной работы принцип неразрывности архивных фондов и коллекций, Хинчин добивался даже, чтобы во вновь созданную секцию передавались не только цельные комплексы документов по еврейской истории и культуре, но и отдельные материалы из других фондов. Подобное нарушение всех и всяческих правил архивного строительства руководитель еврейской секции мотивировал тем, что «подобный взгляд является ничем иным, как подчинением актуальных политических и научных интересов какому-то сугубо техническому архивному принципу», а «подобный формалистический подход приводит к игнорированию нужд пролетарской научной работы и социалистического культуростроительства среди нацмен и является выражением великодержавного шовинизма» [65].

Созданная И. Либербергом и И. Хинчиным архивная структура имела достаточно амбициозные планы и намерения. Кроме концентрации в ее фондах всех архивных еврейских материалов из украинских архивохранилищ, они претендовали на получение еврейских фондов и коллекций из белорусских и российских, прежде всего – московских

и ленинградских архивов. Особенно евсекцию интересовали фонды ликвидированных ОПЕ и ЕИЭО. В начале 1930-х годов в Киев поступили документы из Смоленска, Витебска, Гомеля, Москвы и Ленинграда. К концу существования секции (с 1932 г. – отдела) в Киеве находились 45 фондов из российских архивов и 14 – из белорусских. Среди них – «Центральный комитет Общества полноправия еврейского народа в России», «Петербургское общество еврейской народной музыки», «Еврейский камерный театр». Упоминаем только те фонды, в которых отложились документы, непосредственно связанные с ЕИЭО и С. Ан-ским.

Одними из самых ценных приобретений 1930-х годов являлись архивы ликвидированных накануне в Ленинграде ОПЕ и ЕИЭО, включавшие (о чем уже говорилось выше), помимо их собственных материалов, документальные собрания ряда других организаций, политических партий, личные фонды ученых и общественных деятелей.

Архив ЕИЭО поступил в Киев, видимо, только в 1931 – начале 1932 г., хотя договоренность о передаче материалов датируется 1930 г. Большинство исследователей, в том числе Е. Меламед, А. Гринбаум, В. Лукин, указывает на последнюю дату. Проанализировав хронологию событий и опубликованные материалы того времени, беремся утверждать, что архивы прибыли в Киев позднее. Во-первых, напомним, что решение о закрытии обществ в Ленинграде было принято только 6 декабря 1929 г. [66]. После этого была назначена ликвидационная комиссия, в задачи которой входили опись всего имущества закрытых обществ (в том числе и архивов) и дальнейшее их распределение между претендовавшими на коллекции организациями.

Прочитируем: «НКВД РСФСР. Административный отдел Ленинградского областного исполкома и Ленинградского совета раб., крест. и красн. деп. Отделение Административного надзора. В историко-этнографический отдел Русского музея. 21–430. 13/12–29 г.

По постановлению адм.отдела ЛОИ от 6/12 с. г. ликвидируется Еврейское историко-этнографическое о[бществ]о. В виду необходимости разрешения вопроса о целесообразном использовании музейно-этнографического имущества о[бществ]а, просьба прислать В[ашего] представителя на совещание комиссии (по сему вопросу), которое состоится в понедельник 16/12 (адрес: В. О. 5 линия, д. 50). Нач[альник] отделения адм.надзора АО ЛОИ Камчатов» [67].

Как свидетельствуют документы января – марта 1930 г., между организациями, желавшими получить в свое распоряжение Архив и Музей ЕИОЭ, Народным комиссариатом просвещения и Главнаукой завязалась активная переписка. Основным претендентом на музейную коллекцию Общества был Этнографический отдел Государственного русского музея (РМ), основной мотивацией которого было то, что в его фондах уже находилась часть коллекции С. Ан-ского [68]. Одновременно с РМ материалы хотели получить созданный в Москве Государственный центральный музей народоведения, одесский Музей имени Менделе-Мойхер-Сфорима, Белорусский государственный музей и киевские Кафедра еврейской культуры (позднее – Институт) и Еврейская секция КОИА. Последние были заинтересованы только в архивах Общества.

Директор РМ в письме в ликвидационную комиссию, отправленном в январе 1930 г., даже писал: «...Исходя из этих соображений, ГРМ, не претендуя на архив, библиотеку и значительную часть художественного собрания б[ывшего] Е[врейского] М[узея], полагает наиболее целесообразным передать в его Э[тнографический] О[тдел] всю музейно-этнографическую часть коллекций, собрание фотографий, музыкальные собрания (фоновалики с записями народных песен) и ту часть картин, которая либо широко бытует в народной среде, либо имеет определенное этнографическое содержание» [69]. Заметим сразу, что и представители Русского и представители Белорусского музеев рассматривали архивную часть Музея ЕИЭО (а, как мы показали выше, Архив и Музей являлись единой структурой Общества) как вспомогательный материал и не были заинтересованы в его получении, хотя директор РМ, добываясь музейной коллекции, утверждал, что именно Архив и библиотека представляют наибольший интерес как для Общества марксистов (имеется в виду Московский музей народоведения), так и для Белорусского музея [70].

Украинская же сторона, за исключением директора Одесского музея Б. Рубштейна, бывшего сотрудника ЕИЭО, хотела получить только архивные материалы, собранные Обществом. В результате длительных обсуждений, переписки и участия представителей разных организаций в работе ликвидационной комиссии в Киев были отправлены Архив и библиотека ОПЕ и ЕИЭО.

Идея создания центрального еврейского архива в Киеве, как мы уже писали, принадлежала И. Либербергу и получила развитие

в деятельности И. Хинчина. Но, как видим из статьи последнего «З досвіду організації єврейської архівної справи на Україні», которая вышла в начале 1930 г., архив ЕИЭО в евсекцию КОИА тогда еще не поступил. В пассаже о том, что же, по мнению автора статьи, тормозит развитие еврейского архивного дела, читаем: «<...> Эти материалы разбросаны по многим архивам, где они не зарегистрированы, не описаны и даже не везде хранятся надлежащим образом. Такое состояние еврейского архивного дела целиком тормозит исследовательскую работу еврейских научных заведений и мешает ей приобрести в известной мере систематический и плановый характер, а это, в свою очередь, способствует укреплению активности национально-буржуазных историков типа Гинзбургов (имеется в виду Саул Гинзбург, историк и директор архива ЕИЭО. – *И. С.*) в Ленинграде, Галантов в Киеве и т. д.» [71].

В 1933 г. в журнале «Архів Радянської України» И. Хинчин опубликовал большую статью, в которой с достойным лучшим применением энтузиазмом обосновал необходимость существования и дальнейшего расширения специальной еврейской секции. В частности, он писал: «Какие же именно материалы можно и нужно сосредоточивать в нацменовском еврейском архиве? Мы их разделяем на 5 категорий. К первой категории относятся фонды еврейских учреждений, обществ, организаций, ликвидированных как до, так и после Октябрьской революции, а также законченные переведением материалы институций и государственных органов, которые находятся около специальных вопросов о еврейских трудящихся. Эти материалы можно разделить на 7 таких основных групп: <...> старые буржуазные и мелкобуржуазные еврейские общества и общественные организации». И в примечаниях раскрывает, что под этими организациями имеется в виду, указывая, в том числе: «сюда принадлежат «Общество распространения просвещения среди евреев в России» (заметим, что название дано не совсем правильно – *И. С.*), «Еврейское литературно-этнографическое общество» [72] (что уже совсем неверно; Хинчин объединил два совершенно независимых общества – Историко-этнографическое и Общество еврейской литературы – *И. С.*).

К третьей группе (категории, по определению Хинчина) он относит «фамильные (семейные) архивы и архматериалы из жизни и деятельности писателей, художников, общественных и политических деятелей и другие частные архивы, которые имеют общественный характер».

А в четвертую выделяет, совершенно не считаясь с неоднотипностью и разновременностью документов, «рукописные актовые книги и исторические летописи (так называемые «Пинкосы»), рукописи литературных научных и других произведений (еврейским или другими языками), которые относятся к еврейской нацменшине» [73].

При такой систематизации материалов можно только представить, что произошло с профессионально упорядоченным Архивом ЕИЭО и каким образом документы были сформированы в дела, описи и фонды. Естественно, что во время последовавших во второй половине 1930–1950-х годов антисемитских репрессий, структура Архива Общества была полностью нарушена, а многие документы и документальные собрания разошлись не только по разным фондам, но и по разным архивохранилищам. В качестве примера относительно результата работы евсекции можем привести документы из фондов ЕИЭО, отложившиеся в настоящее время в ОФИ ИР НБУВ: пинкасим, упоминаемые Ф. Шаргородской в составе архива Ан-ского, в Библиотеку поступили в коллекции оригиналов и копий записных книг из фондов ОПЕ и ЕИЭО; часть переписки (письма И. Лурье) – в фонде переписки общественных деятелей; документы, связанные с общественной и политической деятельностью писателя, вошли в комплекс документов, поступивших из Института еврейской культуры.

Дальше, в той же статье, И. Хинчин, поставив задачу «выявить многочисленные материалы вышеуказанных категорий и групп, которые разбросаны по всем нашим архивохранилищам и, в значительной мере, находятся также во многих библиотеках и музеях <...>, а также у частных лиц; изъять их в некоторых случаях из архивных фондов <...> и создать для них единое место [хранения], где они бы подлежали единообразным формам систематизации и упорядочения», отмечает: «И в этом направлении шла вся концентрационная работа. Применены были наиболее широкие меры по выявлению этих материалов – как на территории Украины, так и за ее границами». Перечислив украинские города, подпавшие под работу еврейских архивистов 1930-х, он отдельно упоминает, что были выявлены и сконцентрированы в Киеве документы из Москвы и Ленинграда «(после ликвидации там еврейских буржуазных обществ)» [74] и что на момент написания статьи «сосредоточено покамест относительно небольшую часть материалов (400 линейных метров), но в ближайшее время это количество должно увеличиться вдвое».

В 1930 г., по инициативе Института еврейской культуры, была образована еще одна еврейская секция при Одесском краевом архиве, куда также были переданы ценные рукописные коллекции, хранившиеся во Всеукраинском музее еврейской культуры им. Менделе-Мойхер-Сфорима. Сам музей был основан в 1927 г. В фондах музея на 1928 г. находились рукописные пинкасим, рукописи писателей Шолом-Алейхема, Линецкого, Аксенфельда, Переца, организатора еврейского театра Гольдфадена [75]. В состав фондов музея поступили также некоторые материалы из Ленинграда (в частности, по фотографиям можно определить небольшую часть коллекции еврейского ритуального серебра из коллекции Ан-ского) и, вероятно, незначительная часть Архива Общества.

И. Хинчин, заинтересованный в максимальной концентрации документов в Киеве, настоял на передаче в центр коллекции пинкасим из собрания Одесского музея. 19 июля 1930 г. в докладной записке, адресованной ЦАУ, он высказал мнение, что эти документы должны быть переданы в Киев [76]. Его мнение нашло поддержку в Наркомпросе [77], в результате чего киевская коллекция пинкасим, о которой мы уже упоминали, пополнилась образцами декорированных рукописных книг.

В 1931–1932 гг. Либерберг и Хинчин инициировали создание на базе еврейского отдела КОИА Центрального (Всесоюзного) еврейского государственного архива. И. Хинчин подготовил проект постановления Центрального архивного управления УССР и был уполномочен сделать доклад на февральской коллегии ЦАУ СССР в Москве. В это же время В. В. Мияковский, бывший директор КЦИА, подготовил специальное помещение в Институте еврейской культуры, куда, еще до решения коллегии, успели перевезти все подготовленные для архива фонды. Однако положительного решения в Москве не приняли, при этом говорили, к примеру, «о пагубности самой концентрации еврейских материалов в стенах одного архива и придания последнему всесоюзного статуса, что, помимо всего прочего, повлекло бы за собой «колоссальные затраты сил и средств» [78]. Полемика возникла и по поводу признака языка документов для архива: должны ли это быть материалы только на еврейских языках, или же любые документы, касающиеся евреев. Причем профессиональные архивисты отмечали, что принцип неразрывности фондов, в случае создания еврейского архива, будет нарушен (что, впрочем, уже произошло ранее). Не менее веским аргументом было то, что

большинство документов на еврейских языках «будут освещать лишь деятельность буржуазных организаций, и, стало быть, страницы истории еврейского рабочего и революционного движения окажутся втуне» [79]. Был затронут также территориальный фактор, представители Беларуси требовали, чтобы центральный архив был создан в Минске, так как еврейских документов там не меньше, чем в Киеве.

Дальнейшего развития проект Хинчина-Либберберга не получил, а вскоре перестал существовать и сам еврейский отдел КОИА. В 1936 г. комиссия, обследовавшая КОИА, рекомендовала расформировать его польский и еврейский отделы как структуры, созданные искусственно. Создание специальных национальных архивов, по мнению комиссии, «привело к раздроблению материалов, содержащихся в исторически сложившихся фондах» [80]. Этой же комиссией было предписано просить ВУЦИК отменить постановление своего Секретариата от 28.07.1929 г. об организации секций нацменьшинств в архивах, а все полученные материалы вернуть по месту их прежнего нахождения.

Накануне 1941 г. часть документов еврейского отдела готовилась к передаче архивам – для перемещения были упакованы материалы из центральных (Москва и Ленинград) и некоторых иногородних архивов, для чего они были сгруппированы по территориальной принадлежности. В таком виде они оставались в КОИА и во время немецкой оккупации.

Но, видимо, еще до 1941 г., наиболее вероятно – в 1936–1938 гг., часть фондов еврейского отдела КОИА, в том числе и некоторые фонды Архива ЕИЭО и ОПЕ, поступили в состав Еврейского отдела Всенародной (Национальной) библиотеки Украины.

В мае 1936 г., вскоре после пленума Отдела науки ЦК КП(б)У, был закрыт Институт еврейской пролетарской культуры. В докладной записке по этому поводу руководство Института обвинялось, в частности, в «пропаганде националистических бундовских идей, в игнорировании и искажении ленинской национальной политики и поддержке связей с контрреволюционными элементами» [81]. Подобные обвинения выдвинули некоторым сотрудникам Института, которые были арестованы в течение 1936–1937 гг. Институт же был реорганизован в Кабинет по изучению еврейской советской литературы, языка и фольклора, который, в свою очередь, ликвидировали в 1949 г., во время государственной кампании по борьбе с «безродными космополитами».

Во время войны 1941–1945 гг. часть документов и материалов, сконцентрированных в бывшем еврейском отделе КОИА, а после его закрытия – в спецхране архива, были обследованы немецкими специалистами из главной рабочей группы «Западная Украина» под руководством д-ра Мартина Гранцина, профессионального архивиста, который специализировался на еврейских фондах. Часть документов была отобрана и отправлена в Германию. Судьба этих документов, а также точные списки до сих пор не установлены [82]. После войны часть документов архива ЕИЭО вернулась в Ленинград и вошла отдельными фондами (ф. 2129 и ф. 2134) в Центральный исторический архив Санкт-Петербурга. В Киеве, в ЦГИА, остались личные фонды Л. М. Брасмона, А. Я. Гаркави (незначительная часть фонда), Э. Б. Гуревича, А. Д. Марголина, Л. Н. Нисселовича, Н. М. Фридмана, а также документы, отражающие деятельность еврейских благотворительных организаций, общественных учреждений и организаций помощи пострадавшим во время Первой мировой войны.

Часть документов бывшего Архива ЕИЭО поступила в отдел рукописей ВБУ и в настоящий момент находится в составе рукописного собрания отдела фонда иудаики. В Библиотеке хранятся личные фонды А. Я. Гаркави (основная часть большого архива), С. А. Анского, коллекция документов ОПЕ, также коллекция пинкасим из архива ЕИЭО. Уже после 1949 г., когда был закрыт Кабинет еврейской литературы и фольклора, в Библиотеку поступили материалы фоноархива еврейского музыкального фольклора Кабинета, в том числе и материалы, собранные С. Анским и его коллегами во время экспедиций 1912–1914 гг.

Такая раздробленность Архива ЕИЭО может объясняться только описанными выше событиями 1920–1930-х годов. Восстановить же сейчас достоверно, что из фондов Архива ЕИЭО, в какой системе и каком количестве находилось в Киеве до войны невозможно, как невозможно полностью восстановить логику дальнейших перемещений фондов. Практически все сопровождающие документы и научно-справочный аппарат на коллекции Архива были либо сознательно уничтожены, либо пропали во время войны и позже, в 1950–1960-е годы.

Именно поэтому в настоящее время перед нами стоит задача восстановить историю уникального архивного собрания и на уровне каталогов и электронных баз данных собрать воедино уцелевшие материалы в единый документальный комплекс.

Список использованных источников

1. От комитета Еврейского историко-этнографического общества // Еврейская старина. – СПб., 1910. – Т. 3. – С. 462.
2. Гессен Ю. История еврейского народа в России. Изд. исправленное, с предисловием и библиографией, сост. В. Гессеном, при участии В. Кельнера. – М.; Иерусалим: Гешарим, 1993. – 475 с.
3. Еврейское историко-этнографическое общество до и после его легализации. Из воспоминаний С. М. Дубнова / публикация, вступительная статья и комментарии В. Е. Кельнера // Архив еврейской истории. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 4. – С. 19.
4. О С. Дубнове см.: Кельнер В. Е. Миссионер истории: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2008. – 711 с., ил.
5. Дубнов С. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества // Восход. – СПб., 1891. – С. 1–91.
6. Дубнов С. О совокупной работе по собиранию материалов для истории русских евреев // Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв.: Сб. трудов еврейских историков. Учебное пособие для учителей еврейских школ и студентов еврейских университетов / под ред. А. Локшина. – М.; Иерусалим, 1995. – С. 29–33.
7. Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев... – С. 51.
8. Кельнер В. Е. Миссионер истории: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2008. – С. 199.
9. Ан-ский С. Еврейское народное творчество // Пережитое: Сб., посвящ. обществ. культ. и истории евреев в России: В 4 сб. – СПб.: Тип. А. О. Брокгауз-Ефрон, 1910–1914. – Т. 1. – 1910. – С. 77–278.
10. В настоящее время находятся в Отделе фонда иудаики Института рукописи НБУВ (ф. 340, оп. 2).
11. Отчет Еврейского историко-этнографического общества за 1915 год – Пг., 1916. – С. 8.
12. ОФИ ИР НБУВ, ф. 321, оп. 4, ед. хр. 1391–1616.
13. Приводим данные по публикации: Лукин В. Фонд Еврейского историко-этнографического общества в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда // Исторические судьбы евреев в России и СССР: Начало диалога. Сб. статей. – М., 1992. – С. 251. В настоящее время фонд Л. Н. Нисселовича хранится в ЦГИАК, ф. 1004, д. 181,

куда поступил в 1930 г. из архива ЕИЭО. Часть фонда Э. Б. Левина находится в ОФИ ИР НБУВ, ф. 321, оп. 4, ед. хр. 1–277, 278–380, 381–486, 487–494 (переписка) и оп. 3 «Документы деятельности ОПЕ».

14. Шаргородская Ф. О наследии Ан-ского // Еврейская старина. – Пг., 1924. – Т. XI. – С. 306–311.

15. Еврейское историко-этнографическое общество до и после его легализации. Из воспоминаний С. М. Дубнова / публикация, вступительная статья и комментарии В. Е. Кельнера // Архив еврейской истории. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 4. – С. 22.

16. Ан-ский С. А. Письмо в редакцию // Еврейская старина. – Пг., 1915. – Т. 7. – С. 312.

17. Письмо Владимира Гинцбурга – Семену Ан-скому от 15 марта 1914 г. – ОФИ ИР НБУВ, ф. 339, ед. хр. 313.

18. Отчет Еврейского историко-этнографического общества за 1915. VII год – Пг., 1916. – С. 9–11.

19. ЦГИАП, ф. 2129, оп. 1, ед. хр. 54, на второй странице обложки – Список дел.

20. Отчет Еврейского историко-этнографического общества за 1914. VI год – Пг., 1915. – С. 6.

21. Там же.

22. Отчет Еврейского историко-этнографического общества за 1915. VII год – Пг., 1916. – С. 7–8.

23. Там же. – С. 9.

24. Отчет Еврейского историко-этнографического общества за 1915 г. – С. 9.

25. Ан-ский С. А. Письмо в редакцию (о работах этнографической экспедиции) // «Еврейская старина». – Пг., 1915. – Т. 8. – С. 239.

26. Подробнее об экспедиции см.: Сергеева И. А. Архівна спадщина Семена Ан-ського у фондах Національної бібліотеки України імені В.І.Вернадського. – К.: Дух і літера, 2006. – С. 5–70; Сергеева И. Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах // Параллели. – М., 2003. – № 2/3. – С. 141–157; Сергеева И. «Хождение в еврейский народ»: Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах // Ab Imperio. – Казань, 2003. – № 4. – С. 395–428.

27. Там же. – С. 9–11.

28. Лукин В. Указ. соч. – С. 250.

29. Еврейское историко-этнографическое общество до и после его легализации. Из воспоминаний С. М. Дубнова / публикация, вступительная статья и комментарии В. Е. Кельнера // Архив еврейской истории. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 4. – С. 23.

30. Дубнов С. М. Книга жизни: Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. – М.; Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2004. – С. 437.

31. Там же. – С. 437–438.

32. Отдел культуры и просвещения при Комиссариате по еврейским делам и его программа // Еврейская трибуна. – Пг., 1918. – № 1–2. – С. 7. Цит. по: Лукин В. К столетию образования Петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. трудов / отв. ред. Д. А. Эльяшевич. – СПб., 1993. С.-Петербург. евр. ун-т; Ин-т исслед. евр. диаспоры. – СПб., 1994. – (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 3). – С. 20.

33. Там же.

34. Архив Российского этнографического музея (РЭМ), ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 16, 17–17 об.

35. Подробнее о судьбе музейной коллекции ЕИЭО см.: Сергеева И. А. «...Эта коллекция является неповторимой и единственной в мире...». Судьба Музея Еврейского историко-этнографического общества после 1917 года // Рукописна та книжкова спадщина України. Археологічні дослідження рукописних та бібліотечних фондів. Вип. 13. – К., 2009. – С. 196–223.

36. Письмо А. М. Брамсона к Т. О. Шабаду. – YIVO Archive. RG 1.2. Box 5 # 75.

37. Там же.

38. Дубнов С. М. Книга жизни... – С. 505.

39. Трунк И. Историки русского еврейства // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. Сб. статей. – Минск: Гешарим – Мосты культуры, 2002. (Памятники еврейской исторической мысли). – С. 46–47.

40. Архив РАН, ф. 282 (Личный фонд Л. Я. Штернберга), оп. 2, д. 246.

41. Письмо ЕИОЭ от 2 мая 1923 г. № 18 – В Петроградское управление научных и научно-художественных учреждений. – Там же, л. 358–359.

-
42. Деятельность Еврейского историко-этнографического общества за 1923 г. // Еврейская старина. – Пг., 1924. – Т. 11. – С. 397.
43. Шаргородская Ф. Указ. соч.
44. Шварц Н. Ш. Материалы к истории еврейской печати // Еврейская старина. – Л., 1930. – Т. 13.
45. Равребе И. И. Мстиславское буйство в еврейском народном творчестве // Еврейская старина. – Л., 1930. – Т. 13.
46. Ан-ский С. Из легенд о Мстиславском деле // Пережитое: Сб., посвящ. обществ. и культур. истории евреев в России: в 4 сб. – СПб.: Тип. А. О. Брокгауз-Ефрон, 1910–1913. – Т. 2. – 1910.
47. ОФИ ИР НБУВ, ф. 321, оп. 4, ед. хр. 1 а, л. 1.
48. Там же, л. 4.
49. Там же, л. 7.
50. Там же.
51. Там же, л. 8.
52. Протокол заседания Музейной комиссии Еврейского историко-этнографического общества от 29 мая 1924 г. – YIVO Archive. RG 1.2. Box 5. # 74.
53. Непомнящий С. Уголок Санкт-Петербурга // Трибуна еврейской советской общественности. – Л., 1929. – № 12. – С. 31.
54. Еврейское историко-этнографическое общество до и после его легализации. Из воспоминаний С. М. Дубнова / публикация, вступительная статья и комментарии В. Е. Кельнера // Архив еврейской истории. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 4. – С. 11.
55. Постановлением Административного отдела Ленинградского областного исполнительного комитета от 6 декабря 1929 г. Цит. по: Лукин В. К столетию образования Петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. трудов / отв. ред. Д. А. Эльяшевич. – СПб., 1993. С.-Петербург. евр. ун-т; Ин-т исслед. евр. диаспоры. – СПб., 1994. – (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 3). – С. 23.
56. Открытие Общества по изучению истории и экономики еврейского пролетариата // Трибуна еврейской советской общественности. – Л., 1930. – № 13. – С. 21.
57. Меламед Е. Из истории собирания и изучения еврейского письменного наследия на Украине в 20–30-е годы XX в. (О попытке создания

Центрального єврейського історического архіва в Києві) // *Judaica Rossica*. – М.: РГГУ. – 2006. – Вып. 4. – С. 51–77.

58. Музей імени Менделє // *Трибуна єврейської советської обществєнности*. – 1927. – № 9. – С. 24.

59. Меламед Е. Указ. соч. – С. 54.

60. Заремба О. В. Мовна проблема у контексті єврейського національного руху: повернення наукової спадщини Н. Штіфа. – Дис. ... канд. іст. наук. – К., 1991. – 161 с.

61. Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе. 1918–1953 // *Евреи в России: Историографические очерки. 2-я половина XIX – XX век*. Москва; Иерусалим: Гешарим, 1994. – С. 61.

62. ЦГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 650, л. 216. Цит. по: Меламед Е. Указ. соч. – С. 55.

63. Докладная записка Ю. Александровича. – Институт археологии НАН Украины, Архив, ф. ВУАК, № 14 б, л. 1–7.

64. Архівна справа. – К., 1929. – № 11. – С. 81–82.

65. Постановление Адмтдела Леноблисполкома. – Архив РЭМ, ф. 2, оп. 5, д. 1, л. 1; Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 46.

66. Постановление Адмтдела Леноблисполкома. – Архив РЭМ, ф. 2, оп. 5, д. 1, л. 1.

67. Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 107, л. 46.

68. Подробней см.: Сергеева И. «...Эта коллекция является неповторимой и единственной в мире...». Судьба Музея Еврейского историко-этнографического общества после 1917 года // *Рукописна та книжкова спадщина України. Археографічні дослідження рукописних та бібліотечних фондів*. Вип. 13. – К., 2009. – С. 196–223.

69. Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 107, л. 67.

70. Там же, л. 66.

71. Хінчин Й. З досвіду організації єврейської архівної секції на Україні // *Архівна справа*. – К., 1930. – № 1 (12). – С. 13.

72. Хінчин Й. Завдання єврейської марксівської історіографії і архівна справа // *Архів Радянської України*. – К., 1933. – № 7–8. – С. 176–178.

73. Там же. – С. 178.

74. Там же. – С. 179.

75. Адасов Естер. Музей імени Менделє-Мойхер-Сфорима // *Трибуна єврейської советської обществєнности*. – 1928. – № 7 (16) от 5 мая 1928 г. – С. 24.

76. ЦГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 1111, л. 153.

77. Там же, л. 155.

78. Меламед Е. Указ. соч. – С. 58.

79. Там же.

80. ГАКО, ф. Р-910, оп. 1, д. 23, л. 22. Цит. по: Меламед Е. Указ. соч. – С. 59.

81. Савицька Н. Ліквідація науково-дослідних установ ВУАН по розробці проблем юдаїки в контексті боротьби з троцькізмом та сіонізмом // Єврейська історія та культура в Україні: Матеріали конференції (Київ, 21–22 серпня 1995). – К.: Інститут юдаїки, 1996. – С. 98–99.

82. Подробней о деятельности Айнзацштаба рейхсляйтера А. Розенберга см.: Кашеварова Н., Малолетова Н. Деятельность Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в оккупированной Европе в период Второй мировой войны: Справочник-указатель архивных документов из киевских собраний. – К., 2006. – 577 с.

Summary

The author analyzes the history of creation and work of the centralised archives of the documents of Poland and Russia jews history. She characterises S. Dubnov, S. An-sky and other Jewish science and culture activists role in the archives creation and functioning. The author substantiates the necessity of the Jewish historic-ethnographic community collection reconstruction and its perspectives.

Key words: Jewish historic-ethnographic community archives, museum, S. Dubnov, S. An-sky, reconstruction.